

женщинам, в каких тематических областях языковой картины мира они наиболее распространены и как функционируют гендерные стереотипы; 2) письменное и устное речевое поведение мужчин и женщин (мужская и женская речь, мужской и женский стили письма).

Одной из последних тенденций развития отечественной лингвистической гендерологии являются работы в рамках теории постмодернизма, связанной с идеологией феминизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. История лингвистических течений/Учебное пособие. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 256-222
2. Кирилина А. В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. С. 416-369
3. Там же.
4. Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. 418 с. С. 343-355
5. Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб: Алетейя, 2001. 708 с. С. 508
6. Там же.
7. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. 224с. С. 90
8. Словарь гендерных терминов/Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация-XXI век, 2002. 256 с. С. 139
9. Кирилина А. В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. 416 с. С. 367
10. Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. № 2 (1/1999): Харьковский центр гендерных исследований. М.: «Человек & Карьера», 1999. 297с.С. 235
11. Кирилина А. В. Указ. соч. С. 369.
12. См.: Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.

*Наиль Мустафеевич УРМАНЦЕВ —
доцент кафедры философии,
социологии и политологии
Башкирского государственного
университета им. Акмуллы,
кандидат философских наук*

УДК 1011:316

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЕГО ВЫБОРА

АННОТАЦИЯ. Автором предложено новое понимание свободы как сущностной характеристики универсальной самоорганизации, в которой особая роль человека определяется онтологической неопределенностью и творческой интенцией.

The author suggests new view of freedom as universal character of selforganisazion, in which the place of human being is determinate by ontological non-definite and creative intention.

Не теряя метафизического пафоса, свобода все больше становится онтологическим фактором, продолжая и развивая внутренние интенции самоорганизации, поэтому свободу человека надо сопрягать не только с особым его положением в иерархии природы, где ему традиционно отводятся верхние этажи, но и с необходимостью следовать общему порядку природы, согласно законам самоорганизации и той роли, исполнение которой человеком ожидается универсумом, как одного из вариантов эволюции творческого разума. Когда мы экспериментируем с природой, нельзя забывать, что, возможно, в этот момент мы сами являемся невольными участниками естественного глобального эксперимента. Свобода более основательна, чем целесообразная сознательная деятельность человека, онтологически ее предпосылки содержатся в самоорганизации универсума. Свобода укоренена в самостановлении мира, и человеческая деятельность есть одна из потенциальных возможностей ее осуществления. «Почему мы не становимся более чувствительны к наличию чего-то более великого, чем мы сами, развивающегося внутри нас?», — задавал вопрос Тейяр де Шарден [1].

Человек обладает способностью к разумной самоорганизации, но разум человеческий, не сориентированный на высшие ценности, имеет и теневую сторону, поэтому эта способность дана человеку не как имманентное свойство, а как потенция, которая может осуществиться, а может — и нет. С синергетической точки зрения будущее человека никак не предзадано. В грандиозном котле мировой самоорганизации человек и его сообщество — всего лишь одно из проявлений множества ее векторов с немалой вероятностью тупикового финала. Идет проверка эффективности разумной самоорганизации в лице человека: способна ли она утвердиться как высшая форма мирового становления в бесконечно многообразных, лабиринтах развития как генератор смыслов и приложений человеческого духа.

Человек может следовать общим тенденциям самоорганизации в качестве особой свободной силы, целенаправленно реализуя энергию, таящуюся в универсуме возможностей, освобождая и направляя слепую энергию в целесообразную деятельность. Но усилия «вольноотпущенника» природы правомочны и оправданы в той мере, в какой они отвечают общему ходу вещей, не переступают опасную грань оптимального соотношения хаоса и порядка, за которой начинается необратимая деградация.

Процесс самоопределения, самореализации человека, с нашей точки зрения, есть выбор им самого себя в единстве с конструируемой им же самим реальностью, осуществление той свободы, которая дает ему возможность гибко формировать себя, преодолевая линейность самоидентификации, консервирующие рамки определенности, чуждые тенденциям самоорганизации, пробующей все новые формы. Традиционно понималось, что индивидуальная свобода человека проявляется в его способности и возможности выбирать. Выбором наполнена его жизнь, выбором большим и малым, казалось бы, не влияющим на судьбу, но сопровождающего человека на каждом шагу. Человек на протяжении своей жизни делает несколько решающих шагов, определяющих его бытие, последующие события и обстоятельства, которые и составляют узловые моменты его биографии. Часто выбор дается ценой максимального напряжения интеллектуальных и психических сил. Труднее всего дается нравственный выбор, ибо поступок человека непременно содержит этический аспект, составляющий ядро личности, саморазрушение которого по силе эмоционального переживания сопоставим с самоубийством.

Свобода существует лишь там, где есть возможности изменения ситуации и самого себя. Открытая рациональность, которая ориентирована, — по мнению Ю. В. Сачкова, — «на выход за пределы фиксированной готовой системы ис-

ходных познавательных координат, за рамки жестких конструкций, ограниченных заданными предпосылками» [2], чревата свободой: есть возможность осознания границ и их преодоления. Речь идет не только о внешних препятствиях, но о границах, обусловленных собственной субъективностью. Свободу как отсутствие внешнего препятствия можно обнаружить и у животных. Человеческая же свобода предполагает возможность разумного и морально оправданного выбора, выбора, устремленного к истине, к истинной сущности вещей. Иначе она оборачивается своей противоположностью — произволом и насилием, неизменно несущими на себе печать незамысловатого линейного мышления.

В философской литературе утвердился стереотип, что «правильный» выбор связан с его максимальной рационализацией. Следуя такой логике, можно прийти к выводу, что максимальной свободой обладает новейший суперкомпьютер, способный детально взвесить все факторы предстоящего выбора. Но когда речь идет о свободе человека, невозможно абстрагироваться от его переживаний, сопровождающих выбор, еще и потому, что свобода человеческого чувства наряду со свободомыслием является одной из самых существенных, непреходящих «человекообразующих» ценностей. И мысли и чувства пребывают в человеке как неисчерпаемый источник становления его внутренней свободы, доступный тому, кто способен это ощутить и им воспользоваться.

Традиция не учитывала в должной мере внерациональную сторону человеческой природы, а если и учитывала, то преимущественно косвенно. Между тем свобода человека не ограничивается только рациональностью. В современной философской антропологии внерациональность рассматривается как неотъемлемая черта человеческого существа. Ограничение его только рациональной сферой существенно обедняет многоплановую природу человека, его самобытность. Рациональность всегда эмоционально окрашена и сопровождается богатейшей палитрой переживаний, неисчерпаемыми нюансами чувств и чувствований. Самобытность человека и определяется в большей степени разнообразием чувств и их глубиной, нежели разнообразием и глубиной мысли.

Человеческой рациональности в чистом виде не существует и не может существовать без потери человеком в себе человеческого, не делимого от его чувственности, которая уникальна, возможно, во всей вселенной. Противоречивость человеческой природы сказывается часто в плохой совместимости его расчётливой логики с его душевным строем и пристрастиями. Бытие человека эмоционально окрашено и заинтересовано, ибо человек не только живет, но и активно переживает свое бытие, выступая субъектом индивидуальных чувств, тех общественно ценных эмоций, без которых невозможно полноценное человеческое общежитие. Нельзя, как нам представляется, чисто рационально оправдать тот или иной выбор. Отсутствие собственного алиби в бытии не дает человеку конечных рациональных оснований для вполне определенного и оправданного выбора, сводящего тайну его бытия на нет. «Да, нужно иметь смелость смириться с тем, что эта тайна человека так никогда и не будет им рационально осмыслена» [4]. Успех деятельности может быть критерием рациональности в ее техническом понимании, тогда как свобода предполагает поиск смысла в метафизическом оправдании выбора, подключая в этом поиске и совесть, и чувство долга, и чувство ответственности, и всю многообразную и богатейшую палитру человеческих переживаний.

С этих позиций непредсказуемость человека в его стремлении изменить окружающую действительность есть уже вызов необходимости. Природной и социальной необходимости человек противопоставляет многовариантность своей судьбы, выходящей за рамки банальных, наиболее вероятных, накатанных жизненных сюжетов. Многовариантность будущего противостоит однозначнос-

ти, линейной необходимости настоящего. Нелинейная необходимость, плутающая в лабиринтах неопределенности человеческой жизни, проявляется в веере возможностей, потенциально содержащих в себе элементы человеческой судьбы, в том числе и тех возможностей, позволяющих человеку выходить за рамки своей наличной данности.

Ф. Шеллинг и Э. Фромм сформулировали в обобщенном виде тезис, что бытие как таковое не имеет ценности, что для выживания человека необходимо, чтобы тот был больше, чем само бытие, обладая свободой действовать и не действовать. Человек способен на многое, но чтобы не увязнуть в своей деятельности, он должен сохранять независимость по отношению к ней. Больше надо быть активным, что, по Фромму, значит постоянно обновляться, любить, трансцендировать за пределы собственного «я», не попадать под его власть.

Сегодня несвобода от самого себя проявляется в современных установках массового человека на самого себя, на свое благополучие, что изолирует его от другого человека, который интересен всего лишь как средство, как источник прибыли и материальных благ, а не канал, окно в иные сущностные, духовно богатые формы бытия, хотя расхожая идеология всегда призывает к гуманизму, взаимопомощи и милосердию. Однобокость такой «свободы» оборачивается несвободой от самого себя, от отдельных проявлений человеческой природы, слишком жестко привязанных к общественной психологии и массовым экономическим и духовным процессам.

Каждая попытка выйти за рамки самого себя, за рамки массовых стереотипов, запечатленных в самом себе, утвердить самое небольшое отклонение от них может рассматриваться как пути свободы реализоваться через случайность существования каждого человека и посредством полученного прообраза самосозидающего мира избежать «нерушимой судьбы бытия» [5].

Неправомерно сводить сущность человека к какому-то аморфному бесструктурному образованию. Но стремление выйти за рамки собственной определенности выражает инстинкт свободы, которой не может быть без чувства и осознания собственной ограниченности. Конструктивное соотношение хаоса и порядка, определенности и неопределенности, упругость границ собственного «я» имеют свои пропорции, позволяющие индивидууму сохранять свою целостность, находиться в движении, в состоянии непрерывного становления, созвучного тенденциям универсума. Граница, с одной стороны, разъединяет, а с другой — объединяет, способствует формированию нового. Свобода существует в «пограничной зоне», где явно выражается неравновесный, флуктуирующий характер свободолобивой личности, пытающейся раздвинуть, растянуть границы собственного мира, поскольку они достаточно пластичны. Жесткие границы имеют только вещи, не обладающие свободой. Следовательно, свобода вынуждает не только искать и утверждать свою личность, но и находиться на границе «я» и «не-я», сохраняя относительную целостность себя как личности, но постоянно нарушать эти границы, в меру их проницаемости.

Что обуславливает неравновесность человека как объективно, так и субъективно в системе взаимосвязей с окружающей средой? В объективном положении и ходе вещей это определяется особым статусом человека, не просто следующего физическим или биологическим законам, но и его постоянных попытках превзойти их, повернуть эти законы в свою сторону, привнести в окружающую действительность свое человеческое качество и утвердить его. Деятельность человека, выходящая за рамки природных алгоритмов, является мощным источником неравновесности и субъективно ее питает также человеческое беспокойство, как внутренний источник неравновесности, не позволяющий человеку замкнуться в кругу достигнутого и тривиального. И прежде всего — это беспокой-

ство по поводу высших смыслов должного индивидуального и общественного существования, неустранимо присутствующего в человеческом духе.

Случайность и неопределенность, вторгающиеся в ход событий, в формирование образа будущего, делают мир и его познание чрезвычайно сложными, вносят в деятельность человека беспокойство и неуверенность, что отражает наличие свободы выбора, разнообразие и самоценность людей, их мировоззрений, смысложизненных установок. Излишняя невозмутимость и уверенность очень часто характеризует ограниченность, недалекость, замкнутость человека внутри собственных границ. Вспомним Ф. Ницше: «Надо носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [6]. Следствием действия случайности — подчеркнем это — является некоторая принципиальная неопределенность хода событий и процессов, а значит, неопределенность представляет фундаментальные начала мира, его устройства и развития: неустойчивость, изменчивость, спонтанность (непредсказуемость будущего, не выводимость полностью достоверного знания из ранее известного), порождаемость нового.

Случайность и неопределенность в полной мере проявляются в переломные моменты жизни человека и общества, когда они находятся в ситуации, удаленной от точки равновесия. Бесцельных случайностей в мире нет — все они включаются в механизмы самоорганизации: случайность фундаментальна, благодаря ей события имеют такой строй, который обеспечивает поиск, пробу и отбор возможных вариантов разрешения ситуации, в которых человек должен выступать как не сторонняя, довлеющая сила, а как внутренняя, органично сочетающаяся с остальными элементами часть целого, наделенного возможностью целенаправленного привнесения в развитие систем, включающего его самого, те самые флуктуации, которые отвечают его намерениям, не выходящим при этом за рамки параметров порядка. Будущее разума в лице человека зависит от него, насколько его решения будут отвечать ожиданиям универсума. Голос природы невнятен, и остается лишь верить, «что сама жизнь, полная зла, каким-то внутренним процессом самоочищения, самопреодоления, с помощью сил, растущих из нее самой, спасет себя, что мировая бессмыслица в лице человека победит сама себя и насадит в себе царство истины и смысла», — писал С. Л. Франк [7]. Следовательно, объективные предпосылки свободы человека коренятся в общих механизмах самоорганизации универсума. В жизнедеятельности человека они проявляются как целевая самодетерминация, которая выпадает из цепи природных причинно-следственных связей и может даже противоречить им, вытесняя, например, один из самых мощных инстинктов — инстинкт самосохранения — самопожертвованием.

С позиций синергетики неопределенность в целеполагании и ценностных установках человека возрастает по мере усложнения его жизненной ситуации, там, где возникает необходимость выбора. Этот выбор подчас мучителен и сопровождается взвешиванием разнообразных, часто взаимоисключающих вариантов. Человек в состоянии нерешительности находится как бы во многих возможных состояниях одновременно, многие из которых им даже могут и не осознаваться. Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью и непредсказуемостью характеризуется будущее вообще, тем большей свободой полагания обладает человек. Тем самым происходит усиление степени проблематичности бытия человека, вытекающее из его фундаментальной особенности — из неопределенности, отсутствия специализации и программируемости человека. Отсюда и постоянный веер возможностей (человек — имманентная «точка бифуркации»), постоянное о-пределение (наделение пределом), означивание и выбор.

Ситуация неопределенности, рефлексия и выбор самого себя есть имманентные условия свободы человека. Проблемное существование и есть подлинно свободное существование. Решая одни проблемы и стремясь уменьшить неопределенность, человек только множит их, одновременно расширяя сферу выбора возможностей. Ускользающие границы самоидентификации (действительно, человек — не предмет) держат субъекта в состоянии неудовлетворенности, неопределенности искомого равновесия, и это надо принять за норму. Свобода человека мыслится нами как его неотвратимый удел к бесконечному самоопределению, в процессе которого он раздвигает значения и смыслы мироздания, в которых он хочет себя обнаружить и утвердиться. Человек, вдруг определивший для себя окончательные смысловые контуры и значения, остается внутри них, хотя и имеется выход за их пределы. Но этот путь полон тупиков и разочарований: принципиальная неопределенность образа человека есть и его крест, и онтологический источник его свободы.

Синергетика способна поддержать человека надеждой на будущее, и призывает прилагать ответственные усилия для оправдания этих надежд, поскольку эволюция, продуцируя неопределенность, альтернативность будущего, несет в себе некую справедливость, готовность поддержать адекватные усилия и отвергнуть бесперспективное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1965. С. 233.
2. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 50.
5. Франк С. Л. Крушение кумиров / Соч.: М.: Правда, 1990. С. 152.
4. Кисилев Г. С. Свобода и эволюция // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 3-15.
5. Weiter W. Strukturen menschlichen Existenz. Grenzen heutigen Philosophierens. Ferdinand Schoningh, Paderborn, 1977. S. 455.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. СПб.: Азбука, 2002. С. 45.
7. Франк С. Л. Крушение кумиров / Соч.: М.: Правда, 1990. С. 79.

Геннадий Семенович КОРЕПАНОВ —
заместитель председателя
Тюменской областной Думы,
кандидат социологических наук

УДК 316.334.52.(571.12)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются основные, исторически сложившиеся, а также современные методологические подходы к изучению территориального поведения социального субъекта и региональной идентичности социального субъекта в рамках экономической социологии.

The author within the scope of economic sociology tackles several crucial traditional approaches that are aimed at investigation of social subjects' behaviour, as well as their regional identity.

Сильная социальная и экономическая политика государства, многомиллиардная поддержка делегируемых полномочий в регионы, развитие местного самоуправления требуют как соответствующей переживаемому страной периоду прак-